АВА ЛОРЕН



Пока ты мне веришь

18+

Ава Лорен

Пока ты мне веришь

«Автор»
2026

Лорен А.

Пока ты мне веришь / А. Лорен — «Автор», 2026

После предательства Есения обещала себе больше не путать красивые ухаживания с любовью. И уж точно не влюбляться в парня, который привык, что девушки сами ищут его внимания.Но Марк ждёт её после занятий, запоминает случайно сказанные слова и постепенно становится тем, кому хочется рассказать обо всём. Рядом с ним Есения всё реже вспоминает, почему собиралась держаться подальше.Она не знает, что завоевать её доверие — условие спора.Марк согласился, потому что не сомневался в победе. Ему казалось, что достаточно немного внимания, нескольких встреч и правильных слов. Он не рассчитывал ревновать, ждать её сообщений и искать повод задержаться рядом, когда она уже попрощалась.Теперь Есения засыпает у него на плече, а он боится пошевелиться, чтобы не разбудить её. И всё чаще думает о том, что однажды она узнает, с чего всё началось.Как сказать девушке, которая снова научилась доверять, что ты поставил на её чувства — и проиграл собственные?

© Лорен А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Человек в кадре 5
Глава 2. Условия 9
Глава 3. Репетиция 14
Глава 4. Своими словами 18
Г 24
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Ава Лорен
Пока ты мне веришь

Глава 1. Человек в кадре

Есения

— Еся, ты сейчас прожжёшь в нём дыру.

Соня кивнула на мой телефон. Я в четвёртый раз открыла расписание смен, хотя от этого среда не стала свободной: нас поставили на подготовку к университетскому форуму, а я уже обещала выйти в книжный с пяти. На форуме нужны были студенты, которые помогут с переводом для иностранных гостей. Преподавательница сама предложила мне место в группе, и теперь отказываться из-за смены было особенно обидно.

— Поговорю с Аллой Петровной после пар, — сказала я.

— Давай я тебя подменю.

— Сонь, ты даже у нас не работаешь.

— Зато я умею красиво стоять возле полки с классикой. Ладно, не смотри так. Может, у вас найдётся кто-нибудь из сотрудников?

Я хотела ответить, что уже всем написала, но Соня протянула мне кофе, и спор сам собой закончился. Сверху на стаканчике было выведено моё имя с лишней буквой, а от крышки пахло корицей.

— Ты опять за меня заплатила.

— В пятницу купишь мне обед. Настоящий, из столовой, а не батончик из сумки.

Мы сидели на подоконнике возле аудитории. Внизу хлопали входные двери, студенты в мокрых куртках торопились к лестнице, и каждый приносил с собой немного холодного воздуха. До семинара по художественному переводу оставалось десять минут. Я убрала телефон, чтобы не проверять расписание в пятый раз.

Мама прислала фотографию: папа стоял у плиты в моём старом фартуке с подсолнухами. Он всегда уверял, что случайно схватил первый попавшийся, а потом пытался снять его раньше, чем мама доставала телефон. Под снимком было сообщение: «Ты вчера поздно вернулась? Я звонила».

«Была на работе, потом уснула. Всё хорошо. Вечером позвоню», — ответила я и сохранила фото.

— Дома? — спросила Соня.

Я показала ей экран.

— Передай папе, что на каникулы я приеду ради его пирога.

— В прошлом году ты говорила, что едешь ради меня.

— Тогда я ещё не пробовала пирог.

Дверь аудитории открылась, и мы слезли с подоконника. В сумке лежали две тетради, учебник, сменные балетки и яблоко, которое я третий день переносила из одного отделения в другое. Ручки больно врезались в плечо.

На семинаре нам дали страницу романа, где почти ничего не происходило: женщина возвращалась домой, ставила сумку на пол и слышала за стеной чей-то смех. Я застряла на одном глаголе. Она *поставила*сумку или *опустила*? В первом случае у неё ещё оставались силы; во втором мне чудилось, что она больше не ждала, что дома её встретят. Я зачеркнула вариант, написала другой, а через минуту вернула первый. Пока решала, какой из них честнее, перестала думать о форуме и работе.

Преподавательница попросила меня прочитать последнюю фразу вслух. На середине предложения голос дрогнул: произнесённые слова звучали иначе, чем в голове. Я объяснила выбор, запуталась и начала сначала.

— Сомневаюсь насчёт глагола, — сказала она, когда я закончила. — Но наречие вы убрали правильно. После пары покажете мне весь отрывок?

Я кивнула. Под столом Соня неслышно стукнула кроссовком по моему сапогу. Она знала, сколько для меня значила эта просьба. Я хотела переводить книги — настоящие, которые будут стоять в магазинах, с именем автора на обложке и именем переводчика внутри. Большинство покупателей не заглянет на эту страницу. Я бы заглянула.

После семинара мы с Соней ещё спорили о том самом глаголе, пока не дошли до лестницы. Она ушла на следующую пару, а я купила булочку в пекарне и по дороге в книжный написала коллеге насчёт среды. Ответа не было. К пяти дождь усилился, и я успела пожалеть, что утром взяла зонт со сломанной спицей.

В магазине пахло картоном, влажными куртками и кофе из автомата у кассы. Алла Петровна заметила меня прежде, чем я надела бейдж.

— В субботу сможешь выйти?

Я остановилась с бейджем в руке. В субботу собиралась закончить перевод, постирать вещи и позвонить домой. Всё это можно было передвинуть на вечер. С форумом так не получалось.

— Смогу. Но в среду мне нужно уйти пораньше. Нас взяли на подготовку форума.

Алла Петровна посмотрела поверх очков.

— Ты сама просила дополнительные часы.

— Я знаю. Я выйду в субботу и в пятницу возьму вечернюю смену, если кто-то сможет заменить меня в среду.

Я не любила торговаться с ней из-за графика. Родители помогали с арендой и продуктами, хотя каждый месяц я говорила, что скоро справлюсь сама. Мне хотелось хотя бы не просить у них больше. Но отказаться от форума тоже не хотелось: преподавательница впервые доверила мне перевод вне учебной аудитории.

— Спрошу у девочек, — наконец сказала Алла Петровна. — Если кто-то согласится, поменяем. А в субботу я на тебя рассчитываю.

— Спасибо.

— Иди уже к покупателям.

К вечеру она договорилась с сотрудницей другой смены. Я написала Соне всего одно слово: «Получилось» — и убрала телефон, когда к стойке подошёл мужчина с дочерью. Они искали книгу, которую девочка видела у подруги: названия она не помнила, автора тоже, зато была уверена, что на обложке жёлтый дом и что внутри кто-то нашёл кота. Мы втроём прошли вдоль детских полок; дочь поправляла отца всякий раз, когда он предлагал слишком взрослую книгу. Когда она наконец узнала обложку, её лицо изменилось так быстро, что мне самой стало смешно.

После закрытия я вернула книги с кассы на полки. Внизу неровной стопки обнаружился тонкий сборник стихов, который я сегодня советовала покупательнице. Та повертела его в руках, но так и не купила. Я поставила сборник на место и задержалась возле стеллажа. Когда-нибудь мне хотелось принести сюда книгу, над которой я работала сама. Возможно, Алла Петровна поставит её на нижнюю полку и даже не сообщит мне об этом. Всё равно было бы здорово найти её среди остальных.

— Еся, закрываемся.

— Иду.

На улице дождь всё ещё шёл. Зонт плохо раскрывался: сломанная спица вывернулась наружу и зацепилась за рукав куртки. Я освободила ткань, поправила тяжёлую сумку и пошла к остановке по освещённой улице мимо кафе.

Мокрый асфальт отражал фары и вывески; иногда казалось, что под ногами ещё одна улица, только размытая. Я снимала на телефон такие вещи со школы — сначала нашу кошку, потом витрины, прохожих со спины, смешные объявления. Сейчас мне понравилось, как свет вывески кафе растёкся по дороге. Первый снимок испортила урна у края кадра. Я отошла на шаг и подняла телефон снова.

В этот момент возле припаркованной машины остановился парень. Высокий, в чёрной куртке, с ключами в руке. Он только что вышел из соседнего здания и говорил по телефону. Я заметила его уже после того, как нажала на экран. Парень сбросил вызов, посмотрел на мой телефон и направился ко мне.

Я опустила руку.

— Вы меня снимаете?

Он остановился достаточно близко, чтобы я услышала его голос сквозь дождь. На секунду захотелось отступить, и это разозлило меня сильнее самого вопроса.

— Нет. Я снимала отражение. Вы случайно попали в кадр.

— Покажите.

Я открыла фотографию и повернула экран. Вывеска наконец получилась именно такой, как я хотела. Парень стоял сбоку, возле машины; его лицо было видно. Он быстро взглянул на снимок и снова на меня.

— Удалите.

Просьба была понятной. Тон — нет.

— Можно было просто попросить, — сказала я.

Он посмотрел на меня внимательнее. Уголок рта дрогнул, будто мой ответ его скорее позабавил, чем обидел.

— Хорошо. Прошу вас удалить снимок.

— Вы опоздали с просьбой.

Я нажала на корзину и показала ему экран.

— Удалила.

Из здания за его спиной вышли двое, переговариваясь и смеясь. Один окликнул парня по имени, но из-за проехавшей машины я его не расслышала. Он оглянулся, потом снова посмотрел на меня. Я уже собралась уходить, а он почему-то всё ещё стоял передо мной, теперь с едва заметной улыбкой.

— И всё? — спросил он.

— А что ещё?

Улыбка пропала не сразу. Похоже, он ожидал другого ответа, но я не стала ждать, пока он его придумает. Обошла его и пошла к остановке.

Только за углом обнаружила, что слишком крепко сжимаю ручку зонта, и разжала пальцы. Снимок было жаль. Ещё больше досадовало, что парень, по чьей просьбе я его удалила, вдруг повёл себя так, словно я должна была остаться и продолжить разговор.

В автобусе я написала Соне: «Сфотографировала мокрую улицу. В кадр попал парень, который разговаривает так, будто охраняет государственную тайну. Пришлось удалить хороший снимок».

«Красивый хоть?» — спросила она почти сразу.

Я вспомнила тёмные волосы, нахмуренные брови и его удивление, когда я просто ушла.

«Да. Это ему не помогло».

Соня прислала смеющийся смайлик. Я погасила экран и посмотрела в окно: автобус уже проехал кафе, а на стекле отразилось моё лицо. Странно, что он так удивился. Красивых парней я и раньше видела. А вот мой снимок после дождя уже было не вернуть.

Глава 2. Условия

Марк

Пока преподаватель разбирал международные договоры, Кирилл отправил мне фотографию девушки, с которой я был в субботу. Она стояла у зеркала в моей прихожей, застёгивая серьгу. Я не помнил, когда Кирилл успел её снять.

«Это у тебя новая девушка?»

«Нет».

«Она в курсе?»

Вчера она спросила, встретимся ли мы на неделе. Я сказал, что напишу, хотя уже тогда знал: скорее всего, не напишу. Впрочем, я и не обещал встретиться. В тот момент такой ответ устроил нас обоих — по крайней мере, она улыбнулась и больше не спрашивала. Кирилл любил изображать из себя эксперта по чужим отношениям, особенно когда собственные заканчивались очередным длинным сообщением, которое он потом зачитывал нам вслух. Я перевернул телефон экраном вниз и вернулся к тетради.

За окном опять собирался дождь. С утра я приехал в университет в серой толстовке и успел пожалеть, что не взял куртку: после занятий предстояло идти через весь двор к машине. Преподаватель вызвал кого-то к доске. Я нашёл последнюю запись, дописал пропущенное определение и подчеркнул исключение, о котором он говорил. Кирилл рядом уже открыл наш чат снова.

— Смотри.

Я не сразу поднял глаза. Он толкнул меня локтем и кивнул на стеклянную стену аудитории.

По коридору шли две девушки. Одна держала стакан кофе, вторая слушала её и одновременно пыталась застегнуть переполненную сумку. Я узнал вторую по длинным тёмным волосам и бордовому кардигану.

Вчера она стояла возле моей машины с телефоном в руке.

Я был зол после разговора с отцом, увидел направленную на себя камеру и пошёл выяснять, что она снимает. Она показала снимок: мокрая дорога, отражение вывески, моя машина и я сам сбоку. По фотографии было ясно, что попал туда случайно. Я всё равно велел её удалить, а когда девушка заметила, что можно было просто попросить, повторил требование в более вежливой форме.

Она удалила снимок. Я задержался возле неё, уже собираясь сказать что-нибудь ещё, но она обошла меня и ушла. Разговор закончился раньше, чем я решил его закончить, — пожалуй, именно это и запомнилось.

Девушки исчезли за поворотом. Кирилл следил за моим лицом.

— Вспомнил?

— Видел её вчера.

— Я тоже видел. Из окна кафе. Ты к ней так решительно подошёл, что я решил: знакомы.

— Она снимала возле машины.

— И ты решил лично проверить качество фотографии?

Преподаватель попросил нас убрать телефоны. Кирилл убрал свой, ухмыльнулся и наконец повернулся к доске. До конца занятия я сделал несколько записей и ответил на вопрос о договоре, который мы разбирали в начале пары. Девушка из коридора больше не появлялась.

После звонка телефон снова завибрировал. На этот раз звонил отец.

Я остановился у окна, пропуская одногруппников к выходу.

— Да.

— Ты получил список гостей на пятничный ужин? — спросил он вместо приветствия.

Я получил его ещё вчера. Отец хотел, чтобы я сел рядом с ним, поддерживал разговор на английском и познакомился с партнёром, который осенью открывал представительство в Москве. Мне уже объяснили, почему этот человек важен. Дважды.

— Получил.

— Посмотри внимательно. Я не хочу повторения прошлой недели.

В прошлую пятницу я ушёл раньше десерта. До этого два часа разговаривал с людьми, которых отец мне представил, и не ошибся ни в одном имени. Отец запомнил только то, что я ушёл.

— Буду в семь, — сказал я.

— В шесть сорок. И без спортивного костюма.

Я посмотрел на своё отражение в стекле. Даже по телефону он умудрялся говорить так, будто только что осмотрел меня и остался недоволен.

— Я помню, где у меня лежат рубашки.

— Значит, в пятницу надень одну из них.

Связь оборвалась. Я постоял с телефоном у уха ещё секунду, затем опустил руку. Кирилл дожидался меня возле двери; по его лицу было видно, что он догадался, кто звонил.

— Опять ужин?

— В пятницу.

— Приезжай после к нам. Даня обещал позвать ребят.

Я кивнул. К пятнице отец наверняка даст мне ещё пару поводов приехать к Кириллу и задержаться до утра.

В коридоре было тесно и шумно. Лера с соседнего потока обняла меня за плечи, проходя мимо. Я поймал её за руку, чтобы она не столкнулась с парнем, который нёс два стакана кофе. Она засмеялась и осталась рядом, хотя её подруги уже направились к лестнице.

— Ты прочитал моё сообщение?

— Какое из них?

Лера легонько ударила меня по плечу.

— Очень смешно. Я вечером буду в баре у набережной. Заезжай.

— Посмотрю, во сколько освобожусь.

Она прищурилась. Лера знала, что это означало, и всё-таки провела ладонью по моей толстовке, прежде чем уйти. Я проводил её взглядом, а Кирилл дождался, пока она отойдёт достаточно далеко.

— Ты когда-нибудь говоришь девушкам прямо, что не приедешь?

— Когда уверен, что не приеду.

— То есть никогда.

Я пожал плечами. Иногда планы менялись. Лера сама написала мне, сама позвала в бар; я не видел причины отказываться от вечера, который ещё мог оказаться вполне приятным.

У лестницы толпились студенты, ожидая свободного лифта. Я снова увидел девушку в бордовом кардигане. Она стояла чуть в стороне, прижимая к груди книги, а подруга что-то рассказывала ей с таким жаром, что едва не пролила кофе. Девушка рассмеялась и потянулась придержать стакан.

Вчера под дождём она казалась младше. Здесь я разглядел её лицо и задержал взгляд. Свет из окна падал ей на щёку, длинные волосы сползали с плеча на книги; она убрала их за спину, всё ещё улыбаясь словам подруги.

Она заметила меня, и я уже собирался кивнуть. Обычно этого хватало: девушка улыбалась, задерживала взгляд, иногда сама находила повод подойти. Но у неё улыбка исчезла, словно моё появление испортило разговор. Она повернулась к подруге и пошла вниз по лестнице. Я остался смотреть ей вслед, хотя секунду назад вообще не собирался с ней разговаривать.

Вчера я нагрубил — это я понимал. Но почему-то был уверен, что сегодня она хотя бы даст мне возможность начать заново.

— Есения Белова, — сказал Кирилл. — Еся. Факультет иностранных языков.

— Я не спрашивал.

— Конечно. Ты просто смотришь ей вслед.

Даня, подошедший к нам, тоже взглянул на лестницу.

— Мы с Есей вместе ходили на факультатив, — сказал он. — Нормальная девчонка. Кирилл, давай без твоих приколов.

— Каких ещё приколов?

— Тех, из-за которых она потом обходит тебя по другой лестнице.

Я повернулся к Кириллу. Тот усмехнулся, но не стал возражать.

— Звал её на вечеринку весной, — признался он. — Она отказалась. Кажется, работала в тот вечер.

— Действительно, тяжёлое оскорбление, — сказал я.

— Так пригласи её сам.

— Зачем?

Я задал вопрос и тут же посмотрел вниз. Есения с подругой уже дошли до первого этажа. Её подруга остановилась у дверей, чтобы допить кофе. Еся ждала рядом и что-то отвечала ей, улыбаясь. Моего взгляда она не искала.

— Хочу посмотреть, что она скажет тебе, — ответил Кирилл.

Мы спустились следом. У меня начинался семинар в другом корпусе, и следовало поторопиться, но возле входа я задержался: Даня искал в рюкзаке ключи от машины. Есения прошла мимо нас так близко, что я успел заметить маленькую потёртость на ручке её сумки. Я сделал шаг навстречу.

— Привет. Подожди секунду.

Она остановилась. Подруга отошла к дверям, оставив нас разговаривать, но продолжала наблюдать.

— Мы вчера встречались, — сказал я.

— Помню.

Есения ответила тихо. Она смотрела на меня прямо и ждала, зачем я её остановил. Кирилл стоял за моей спиной; я почти чувствовал, как ему не терпится вмешаться.

— Я вчера нагрубил тебе. Извини.

Она моргнула. Похоже, извинения не ожидала.

— Хорошо, — ответила она после паузы.

Я чуть улыбнулся.

— Хорошо?

— Я не сержусь. Мне нужно идти.

Она поправила книги и посмотрела в сторону подруги. Я привык, что после таких слов разговор становился проще: напряжение спадало, можно было пошутить, спросить что-нибудь, предложить кофе. Есения же, кажется, считала, что мы уже обо всём договорились.

— Марк, — сказал я.

Она снова посмотрела на меня, затем коротко кивнула.

— Есения.

— Теперь мы хотя бы знакомы.

На этот раз она едва заметно улыбнулась. Я успел подумать, что всё-таки поторопился с выводами, но её подруга распахнула дверь и позвала:

— Еся!

— Иду. — Она повернулась ко мне. — Пока.

Я отошёл, пропуская её. Есения действительно торопилась: на выходе перехватила съезжавшую сумку и почти сразу свернула вслед за подругой.

Я смотрел через стекло, как они выходят на улицу. Есения что-то ответила подруге и поправила сумку на плече, даже не замедлив шаг. Я ожидал, что после извинения она хотя бы спросит что-нибудь в ответ. Теперь у нас был вполне нормальный повод поговорить, но она им не воспользовалась.

Возможно, действительно опаздывала. Только Лера тоже куда-то шла, когда остановилась возле меня в коридоре.

Кирилл подошёл вплотную.

— Она тебя отшила.

— Она опаздывает.

— Удивительно, как легко ты поверил.

Я обернулся. Кирилл сиял. Мне захотелось увидеть, с какой скоростью эта улыбка исчезнет, когда Есения согласится встретиться со мной.

— Ставлю двадцать тысяч, что на свидание она не пойдёт, — сказал он.

Даня наконец нашёл ключи и захлопнул рюкзак.

— Не начинайте.

— Ты ставишь деньги на любую ерунду, — сказал я Кириллу.

— Тогда сорок. И давай интереснее: месяц, чтобы она захотела остаться у тебя на ночь.

Я посмотрел на него. Кирилл перестал улыбаться. Он помнил весенний отказ Есении лучше, чем хотел показывать.

— А если она не захочет?

— Значит, проиграешь.

Даня тихо выругался и шагнул к выходу. Я мог пойти за ним. Познакомился с Есенией, извинился; на этом всё могло закончиться. Через месяц вряд ли вспомнил бы даже её фамилию.

Но я всё ещё видел, как она выслушала меня у дверей и ушла, не обернувшись. Кирилл стоял напротив и ждал ответа. Сорок тысяч ничего не меняли — я потратил бы больше за пару вечеров, если бы захотел. Зато его уверенность, что Есения откажет мне так же, как отказала ему, раздражала всё сильнее. Он уже представлял, как будет напоминать мне об этом при каждом удобном случае.

Мне представился другой вечер: Кирилл отдаёт деньги, а я пересказываю эту встречу так, будто уже сегодня знал, чем она закончится. Для этого требовалось всего лишь поговорить с ней ещё раз, когда она никуда не торопится, и дать ей узнать меня с более приятной стороны. Обычно с этим проблем не возникало.

— Месяц, — сказал я.

— Спорим?

— Спорим.

Кирилл сразу достал телефон.

— Запишу условия в чат, чтобы ты потом не выкрутился.

— Пиши что хочешь.

На экран пришло уведомление из нашей группы. Кирилл уже отправил: «Марк — Есения Белова. Месяц. Свидание и ночь вместе. Ставка 40 000».

Даня прочитал сообщение и демонстративно не ответил.

«Беру», — написал я.

Телефон завибрировал от сообщений Кирилла: он требовал установить точную дату, предлагал отпраздновать заранее, прислал какую-то глупую картинку. Я выключил звук и вышел из здания.

У меня не было плана на Есению Белову. Пока я знал только её имя, факультет и то, что она работала по вечерам. Этого вполне хватало для начала. Завтра я мог встретить её в кори-

доре, заговорить снова и посмотреть, станет ли она останавливаться рядом со мной дольше, чем на минуту.

Она уже видела мою худшую сторону. Теперь я собирался показать ей ту, с которой обычно начинал.

Глава 3. Репетиция

Есения

За десять минут до начала подготовки Соня прислала мне фотографию дивана в библиотеке. На одном краю лежал раскрытый учебник, на другом — её сумка, а посередине стоял бумажный стаканчик.

«Держу тебе место. Если решишь сбежать с репетиции, знай, что кофе я допью за тебя».

Я сидела на скамье напротив закрытой аудитории, прижимая к коленям папку. Программа, список гостей, письмо Соколовой — всё было распечатано и разложено в том порядке, в котором, как мне казалось, могло понадобиться. Я даже взяла запасную ручку, хотя в папке уже лежали две. За дверью двигали стулья, и кто-то уверенно распоряжался, куда поставить стол. Я решила подождать остальных переводчиков, но через десять минут ожидания мне уже было неловко признаться Соне, что я всё ещё в коридоре.

«Я пришла. Пока сижу у двери», — написала я.

«Еся, тебя туда позвали. Если бы они не хотели, чтобы ты заходила, не прислали бы номер аудитории».

Я убрала телефон. В университетской рассылке мероприятие называли форумом. К нам приезжали студенты и преподаватели из зарубежных вузов: после открытия они должны были разойтись по аудиториям, чтобы обсудить общие проекты и возможность учиться по обмену. Сегодня четверым студентам с нашего факультета предстояло познакомиться с организаторами и помочь с речами. В день встречи нас ещё могли попросить перевести вопросы гостей.

Соколова предложила мне место в группе после одного из семинаров. Я как раз объясняла ей, почему убрала из перевода слово, которое все остальные оставили. «Вы подумали о том, как человек прочитает эту фразу, — сказала она, возвращая мне лист. — Хотите попробовать переводить для тех, кто будет вас слушать?» Я согласилась раньше, чем вспомнила про смену в книжном. Только потом представила, как кто-нибудь задаёт мне вопрос, я понимаю всё, кроме самого важного слова, и человек терпеливо ждёт, пока я перестану краснеть и начну говорить.

Я уже потянулась к ручке, когда дверь открылась изнутри. На пороге стоял Марк с ноутбуком под мышкой.

— Привет. Ты давно здесь сидишь?

— Минут десять. Я думала, кто-нибудь ещё подойдёт. За дверью стулья двигали, и мне показалось, что там ещё не закончили предыдущее занятие.

— Это мы. Пытались поставить стол так, чтобы всем хватило розеток. Пока хватает только тем, кто пришёл первым. — Он отступил и придержал дверь. — Ты ведь к Соколовой? Она попросила встретить переводчиков. Я как раз собирался выйти посмотреть, где вы все.

Я прошла мимо него и только тогда поняла, что всё это время держала папку прижатой к груди. Вчера у входа он извинился, мы познакомились, и я решила, что теперь при случайной встрече буду здороваться с ним, как здороваюсь с десятком знакомых с других факультетов. Почему-то, пока я искала, куда сесть, мне было проще смотреть на свободные стулья, чем на него. За столом девушка раскладывала бейджи, двое парней пытались подключить проектор. Никто не спросил, где я пропадала. Можно было войти с самого начала.

Марк сел через два стула от меня. Сегодня на нём был тёмный свитер, и, когда он закатал рукав, чтобы подключить зарядку, на запястье блеснули часы. Я отвела взгляд к программе. Вчера Соня успела рассказать, что фамилию Воронцова знают даже те, кто с ним не учится, и что Кирилл, который стоял рядом с ним у дверей, весной приглашал её и меня на вечеринку. Я помнила то приглашение, хотя предпочла бы забыть последовавшее за отказом: Кирилл ещё несколько дней спрашивал при встрече, не слишком ли я занята для обычных людей.

Про Марка я знала меньше. У машины он разговаривал со мной так, будто ему и в голову не приходило, что я могу забрать телефон и уйти. Зато вчера, когда я уже собиралась пройти мимо, он остановил меня и извинился. Я ещё не решила, какой из этих двух разговоров запомнила лучше.

Соколова пришла с папкой и сразу начала раздавать задания. Трое студентов с международных отношений отвечали за программу открытия и встречу гостей; нам достались тексты, которые нужно было согласовать перед переводом. Сегодня — русская версия, завтра — английская и общий прогон.

— Белова, у вас Воронцов. Проверьте речь вместе. К вечеру мне нужен текст без вариантов в скобках.

Она положила передо мной две страницы. В верхнем углу стояло имя Марка.

— И, пожалуйста, сверяйте названия с программой от гостей, — добавила Соколова, обращаясь ко всем. — В старом файле есть ошибки.

Марк придвинул стул. Я дочитала первое предложение до конца, вернулась к началу и подчеркнула слова «долгосрочное взаимодействие».

— Ты у машины на меня примерно так же посмотрела. Я тогда решил, что ты сейчас развернёшься и уйдёшь.

— Я тогда и ушла. А здесь пытаюсь понять, что мне переводить. Вот ты пишешь про долгосрочное взаимодействие. Что университеты собираются делать вместе?

Он наклонился к листу и перечитал предложение целиком.

— Обмениваться студентами. Если договорятся, можно будет провести семестр в другом университете.

— Так и скажи. Если бы я сидела в зале, мне было бы интересно узнать про семестр. А про взаимодействие я бы забыла ещё до конца речи.

Марк взял ручку, но писать не стал.

— Подожди, повтори, как ты сейчас сказала. Про семестр.

Я повторила, и он записал прямо над зачёркнутой строчкой. Потом развернул ноутбук так, чтобы я тоже видела экран, и попытался прочитать новую фразу вслух. К середине ему пришлось остановиться и набрать воздух.

— Ты опять соединил два предложения, — сказала я и показала, куда вернуть точку. — Пока ты договариваешь про университеты, слушатель уже успеет забыть, с чего ты начал.

— Я бы тоже забыл, если бы не смотрел в текст.

Он перечитал фразу с паузой и оставил точку. На первом курсе студентка с другого факультета попросила меня посмотреть её выступление, а потом полчаса объясняла, почему нельзя трогать ни одного слова. Я приготовилась к такому же разговору и даже придумала, как смягчить замечания. С Марком оказалось проще: когда ему что-то не нравилось, он говорил об этом, а если правка помогала, просто вносил её и переходил дальше.

В следующем абзаце он сам предложил убрать повтор. Я перечитала, кивнула и зачеркнула свою пометку. Мы начали работать быстрее. Я перестала думать, не слишком ли тихо говорю, и пододвинула папку ближе к нему, чтобы не поворачивать лист после каждой фразы.

— Посмотри ещё на фамилию. В файле, который прислали гости, другая буква. Если оставим как есть, ведущие так и прочитают со сцены.

Марк наклонился над распечаткой, и его рукав задел мою руку у края стола. Я поторопилась перевернуть страницу, хотя он ещё не успел прочитать строку. Пришлось вернуть лист на место и снова показать фамилию, пока он искал письмо у себя на телефоне.

— Ты права. Напишу организаторам, чтобы и в списке для ведущих поправили, — сказал он, сверив файлы.

Я уже хотела спросить о названии следующей организации, когда возле стола остановилась девушка с аккуратно собранными волосами и маленькими золотыми серьгами. Она положила ладонь на спинку его стула.

— Марк, ты обещал написать, когда освободишься. Я до десяти держала для тебя место.

— Извини. Вчера всё затянулось, а потом я уже никуда не поехал. У нас тут ещё репетиция, так что сегодня тоже не жди. Я напишу, когда буду знать насчёт выходных.

Девушка на секунду задержала руку на спинке. Потом взглянула на меня, коротко кивнула и отошла к ребятам у окна. Марк придвинул распечатку и нашёл строчку, на которой мы остановились, будто за это время успел отвлечься только на минуту.

Я не знала, что между ними, и всё же мне было неприятно оттого, как легко я представила себя на её месте. Однажды я целый вечер откладывала ужин, потому что Антон обещал приехать после работы. Когда он наконец ответил, я сказала, что всё понимаю, и убрала в холодильник две тарелки. Много позже, когда я увидела его с другой девушкой, я ещё пыталась вспомнить, с какого именно вечера начала верить ему меньше. Теперь я смотрела на собственную пометку о фамилии и никак не могла вспомнить, что собиралась сказать Марку перед тем, как к нам подошли.

Через час Соколова открыла наш файл, уточнила две формулировки и попросила остаться на короткую репетицию. Марк вышел к кафедре, а я села во втором ряду с распечаткой. Две минуты назад он откидывался на спинку стула и вертел в пальцах ручку; теперь выпрямился, подождал, пока затихнут разговоры, и заговорил так, что я невольно подняла голову.

Он не читал каждую строку. Смотрел на людей, выдерживал паузы, иногда заменял слова, не теряя мысли. Официальные благодарности всё ещё оставались официальными благодарностями, но слушать их оказалось легче, чем читать на бумаге.

На исправленной фамилии Марк замедлился и посмотрел на меня.

Я беззвучно произнесла первый слог. Он повторил имя правильно, едва заметно кивнул и продолжил.

Меня охватило такое облегчение, будто выступала я сама. Я опустила взгляд к листу, но следующую фразу не отметила: всё ещё думала о том, как он нашёл меня глазами среди остальных.

После выступления Соколова попросила изменить порядок благодарностей и напомнила, что завтра ждёт нас с английским вариантом. Я записала правку на полях, потом задержалась у стола, проверяя, сохранился ли файл. Студенты начали собираться; кто-то уже погасил проектор.

Марк подошёл за ноутбуком, пока я складывала распечатки.

— Спасибо, что подсказала. Я ведь дома эту фамилию уже выучил. Встал перед всеми и забыл, с какой буквы она начинается.

— Ты бы мог посмотреть в распечатку. Я подчеркнула её на обеих страницах.

— Я тебя раньше нашёл, чем нужную строчку.

Я перестала застёгивать папку. Наверное, в этом и правда не было ничего особенного: мы вместе правили текст, и я сидела ближе всех. Только он мог бы сказать это, убирая ноутбук в сумку, а вместо этого стоял у стола и смотрел на меня, словно ему было интересно, что я отвечу.

— На открытии я, может, буду сидеть в последнем ряду, — сказала я. — Там по губам не прочитаешь.

— Тогда завтра проверишь, как я выучил.

Я согласилась и лишь потом заметила, что всё ещё держу пальцы на застёжке. Марк дождался, пока я уберу папку, и вышел вместе со мной.

В коридоре было тише, чем днём. За окнами уже темнело, возле лестницы уборщица передвигала ведро, освобождая нам проход. Я достала телефон: Соня спрашивала, ждать ли меня ещё в библиотеке.

— Ты сейчас в книжный? Даня как-то говорил, что ты там работаешь, — спросил Марк.

Даню я знала по факультативу. Он однажды спрашивал, есть ли у нас книга, которую искала его сестра, и вполне мог запомнить, где я работаю. И всё же я на секунду задержала взгляд на Марке, пытаясь понять, когда именно они обо мне говорили.

— Обычно по средам я там до закрытия. Сегодня меня подменили, чтобы я успела на репетицию.

— Я собирался зайти за кофе. Тут через дорогу есть кафе, там сейчас, наверное, уже пусто. Если ты не торопишься, пойдём вместе?

Я посмотрела в сторону лестницы. Нужно было ответить Соне, закончить перевод для семинара и позвонить маме. Всё это можно было сделать позже. Наверное, именно поэтому отказ вдруг стал труднее: я не могла сослаться на смену и уйти, уверенная, что просто не успеваю.

Марк ждал. Мне вспомнилась девушка возле его стула, затем — собственное облегчение, когда он правильно произнёс фамилию. Я уже успела порадоваться тому, что у нас что-то получилось вместе. Этого было достаточно для одного вечера.

— Я сегодня всё-таки поеду домой, — сказала я. — У меня перевод на завтра, а я ещё даже не открыла файл.

Он ещё секунду смотрел на меня.

— Хорошо. Тогда до завтра.

Я кивнула. Марк не стал уговаривать меня остаться, и до лестницы мы дошли вместе. У окна я остановилась, чтобы ответить Соне. Он спустился на несколько ступенек, обернулся и поднял руку на прощание. Я тоже подняла руку, хотя вполне могла ограничиться кивком.

В автобусе нашлось свободное место. Я села у окна, вытащила распечатку и хотела перенести в телефон последнюю правку Соколовой, чтобы не забыть. Возле исправленной фамилии осталась запись, которую Марк сделал, пока мы работали: «Проверить перед выходом. Спросить у Есении».

Я провела пальцем по нижнему краю страницы. Завтра мы снова сядем за один стол, и мне нужно будет объяснить ему, почему некоторые фразы нельзя перевести дословно. Мы просто продолжим работу над речью. С тем же успехом Соколова могла дать мне текст другого студента.

Соня прислала новое сообщение: «Ладно, ухожу. Завтра расскажешь, как всё прошло».

Я набрала: «Нормально. Русский вариант уже готов». Перечитала, отправила и убрала телефон. В стекле отражалось моё лицо; я увидела улыбку раньше, чем успела её убрать.

Если завтра Марк снова предложит выпить кофе, мне придётся решить, чего я хочу. Сегодня я так и не призналась себе, что с переводом вполне могла разобраться и после кафе.

Глава 4. Своими словами

Марк

В четверг утром Кирилл прислал фотографию календаря. Он обвёл красным день, когда заканчивался наш спор, и поставил рядом знак вопроса, хотя вчера уже дважды спрашивал, получилось ли у меня вытащить Есю на кофе. Я дважды ответил, что не получилось. В третий раз решил обойтись без ответа: с утра мне хватало одного человека, который составлял планы на мою жизнь.

Отец прислал обновлённый список гостей на пятничный ужин. Я открыл его уже в машине, пока отогревалось лобовое стекло, и обнаружил рядом со своим именем приписку: «Расскажешь, почему выбрал международные отношения и как собираешься применить их в компании».

Я успел набрать, что в компании пока ничего не собираюсь применять, но стёр сообщение, когда он позвонил.

— В списке возле твоего имени я написал, о чём можно рассказать. Прочитал? — спросил отец.

— Да. Только я не понимаю, почему мне надо объяснять, чем я буду заниматься в компании. Мы с тобой пока об этом даже не договорились.

— Никто не просит называть должность. Расскажи, что изучаешь, что тебе интересно. К шести сорока освободишься, сядешь рядом с Алексеем Павловичем. В прошлый раз он так и не понял, хочешь ты вообще с ним разговаривать или просто ждёшь, когда можно будет уйти.

В прошлый раз я начал рассказывать о семестре по обмену, на который хотел подать заявку, но отец перебил меня и сказал, что осенью я буду нужен ему здесь. Алексей Павлович больше ни о чём меня не спросил. Он только кивнул, как кивают человеку, который уже получил исчерпывающий ответ.

— Я хотел ему рассказать про обмен, помнишь? Он даже спросить ничего не успел. Ты сразу сказал, что я осенью остаюсь здесь.

Отец помолчал. В трубке зашуршала бумага; я представил, как он переворачивает лист и ищет глазами следующую фамилию.

— Про осень поговорим дома. А завтра объясни Алексею Павловичу своими словами, зачем тебе международные отношения. Он не на собеседование к нам едет. С ним можно просто поговорить.

Я сказал, что приеду к шести сорока. Про осень мы дома уже говорили дважды. В первый раз отец попросил прислать ему условия программы, во второй сообщил, что мне будет полезнее поработать с ним. Самое удобное в предложении поговорить позже было то, что позже разговор всякий раз начинался с уже принятого решения.

После звонка я ещё минуту сидел на месте. На пассажирском сиденье лежала папка с речью, которую мы вчера правили с Есей. Между двумя страницами я нашёл программу встречи: после открытия гости расходились по аудиториям, а в одной из них как раз собирались рассказывать об обмене и отвечать на вопросы студентов. Я мог зайти туда, даже если в списке выступающих моё имя стояло совсем в другой части программы. Записал время в календарь и завёл машину.

В университете Еся стояла у автомата с кофе. Пока я подходил, она дважды нажала на одну кнопку, потом наклонилась и заглянула туда, где должен был появиться стаканчик.

— Он деньги снял и замолчал? — спросил я. — У меня вчера так же было. Я уже пошёл к лестнице, а он за спиной начал наливать.

Еся выпрямилась и показала мне экран, на котором всё ещё горело «Оплата принята».

— Если я уйду, он отдаст мой кофе первому встречному. Я теперь из принципа дождусь.

Я потянулся к панели, но она накрыла кнопку ладонью.

— Не плати за второй. Если первый всё-таки нальётся, придётся объяснять уборщице, зачем мы устроили здесь лужу.

Автомат зажужжал. Стаканчик выпал так резко, что Еся отдёрнула руку, а когда потёк кофе, она посмотрела на меня поверх стаканчика и улыбнулась. Вчера, когда я приглашал её в кафе, она почти так же опустила глаза, только тогда искала, как бы отказать. Напоминать ей об этом я не собирался. До общего прогона оставалось несколько часов, и на этот раз ей не нужно было решать, хочет ли она провести их со мной.

— Раз уж мы оба пришли раньше, давай сверим название университета, — сказала она, освобождая руку, чтобы достать распечатку. — В письме от гостей оно длиннее, чем в нашем тексте. Ведущие могут прочитать одно, а ты через минуту скажешь другое.

У меня письмо было открыто с утра, но дальше первых строк я не дошёл. Я взял у неё лист и придержал дверь аудитории, пока она протискивалась с кофе и сумкой. Вчера у меня ушло полвечера на то, чтобы придумать, с чего сегодня начать разговор. Еся за две минуты нашла нам дело и уже искала, куда поставить стаканчик.

Мы сели у окна. С первыми абзацами справились быстро, а в середине Еся остановилась на предложении об обмене. Я предложил сказать по-английски, что студенты смогут провести семестр в другом университете.

— Послушай, как это звучит со стороны, — сказала она и прочла мою фразу вслух, не глядя в перевод. — Если бы я сидела в зале, я бы решила, что программу уже открыли и осталось только узнать, куда подавать документы.

— В русском варианте было «если договорятся». Я его убрал, потому что по-английски всё предложение выходило тяжёлым.

— Тогда лучше разбить на два. Сначала сказать, что университеты обсуждают обмен, а потом объяснить, где об этом можно спросить. Иначе ведущие потом полдня будут отправлять людей из одной аудитории в другую.

Я посмотрел на её пометки. Утром мне самому пришлось выискивать в программе, где будут отвечать на вопросы об обмене. Я раскрыл её на нужной странице и показал строку, которую уже успел обвести.

— Вот эта встреча, после открытия. Они вроде обещали привезти человека, который занимался обменом у себя в университете. Можно будет спросить, что у них на самом деле требуется от студентов.

Еся перестала водить ручкой по полям.

— Ты так говоришь, будто уже знаешь, что у него спросишь.

Мог бы сказать, что хочу уехать на семестр, и тогда пришлось бы объяснить, почему ещё даже не подал заявку. Мне вдруг представилось, как Еся отложит ручку и дослушает, даже если я с первого раза не сумею объяснить, почему вообще приходится обсуждать дома разрешение на семестр в другой стране.

— Я бы узнал, на каком языке идут пары, — сказал я. — На сайте половина курсов переведена на английский, но из этого ещё не следует, что их на нём читают.

— Я бы тоже спросила. Когда выбирала факультет, мне показывали страницы на трёх языках, а расписание можно было найти только на русском. — Она придвинула программу. — Давай впишем номер аудитории, пока оба помним, где он.

Еся нашла номер в программе и вписала его на полях. На этом разговор обо мне закончился. Я был ей за это благодарен, хотя на секунду захотелось, чтобы она всё-таки переспросила.

После обеда Соколова собрала нас в актовом зале. На сцене было жарче, чем в аудитории, микрофон ловил каждый вдох, а из зала кто-то то и дело просил говорить громче. Я споткнулся

на английском названии организации и замолчал. Еся со второго ряда беззвучно подсказала начало. Я повторил и увидел, как она коротко подняла большой палец над распечаткой.

Когда мы пошли по тексту ещё раз, я нарочно замедлился на том же месте. Еся уже приоткрыла рот, чтобы помочь, но вовремя заметила моё лицо и покачала головой. Название я произнёс правильно. Закончив абзац, взглянул на неё и обнаружил, что она уткнулась в лист, пряча улыбку. Соколова попросила меня подольше смотреть в зал. Когда я поднял глаза, Еся уже следила за следующей строкой.

Распечатать последнюю версию мы пошли вместе. Принтер выдал лист без нижней строки и сообщил о замятии. Еся открыла крышку, ничего там не нашла и уже собиралась идти за кем-нибудь, когда я присел перед лотком.

— Если ты знаешь, где у него застряла бумага, сейчас самое время сказать. Я уже открыла всё, что открывается, и чуть не сломала лоток.

Я присел пониже и увидел у края тонкий белый уголок. Пришлось попросить Есю придержать крышку, чтобы достать его двумя пальцами.

— Подожди, пусть сначала допечатает, — сказал я, когда принтер наконец втянул новый лист. Еся уже протянула руку за распечаткой и тут же убрала её, словно принтер мог снова передумать.

Пока Еся складывала листы в папку, из её сумки выскользнула книга. Я поднял её. Мягкая обложка была потёрта, а между страницами торчал билет с загнутым углом.

— Скажи, что это тебе хотя бы читать не к завтрашнему дню. У тебя там ещё два текста в папке.

— Это для автобуса. Когда весь день разбираешь чужие предложения по словам, приятно взять книгу, в которой можешь просто дочитать до конца страницы.

Я вернул ей книгу и сказал, что в автобусе я бы такую, наверное, бросил. Меня хватало на две главы, если герой только сидел и думал о том, что с ним когда-то случилось.

— Подожди, — сказала Еся. — А если он сидит и наконец понимает, почему двадцать лет избегал одного разговора? Ты тоже скажешь, что ничего не произошло?

— Смотря сколько страниц мне придётся просидеть вместе с ним.

Она засмеялась и сунула книгу в сумку. Мы уже дошли до лестницы, когда она вспомнила название:

— Возьми «Остаток дня» Кадзуо Исигуро. Там человек много ездит, так что к третьей главе он хотя бы успевает встать. Но прочитай страниц пятьдесят, прежде чем писать мне, что я тебя обманула.

Я открыл заметки. Еся дождалась, пока я наберу фамилию, и поправила меня: я пропустил букву. Не знаю, почему мне хотелось, чтобы она постояла рядом ещё немного. Я мог бы сразу убрать телефон, но вместо этого спросил, есть ли эта книга у них в магазине.

У них в книжном, по её словам, оставалось два экземпляра. Она назвала улицу и объяснила, где свернуть от остановки, так уверенно, будто каждый день отправляла туда людей с моим вкусом в литературе. Я добавил адрес под названием.

Возле выхода нас догнал Даня. У Еси зазвонил телефон, и она отошла к окну. Даня сунул мне под локоть тетрадь с конспектом, которую я оставил на паре.

— Мы в субботу в десять берём зал. Ты точно будешь? — спросил Даня. — В прошлый раз я ждал тебя до последнего и взял какого-то парня с соседней площадки. Он полматча играл в куртке, потому что собирался вообще в магазин.

— Буду. Я даже мяч привезу, если ваш всё ещё у Кирилла.

Даня усмехнулся, но, заметив Есю у окна, не стал отвечать. Она что-то объясняла в телефон, прижимая папку к груди, чтобы не выронить. Он подождал, пока мимо пройдут двое с нашего потока.

— Слушай, а про то, что вы сегодня опять вдвоём, ты Кириллу зачем написал? Еся же не позвала тебя встретиться. У вас репетиция, на которую обоих поставили.

— Кирилл спросил, увидимся ли мы сегодня. Я ответил, что увидимся. Мне ему ещё расписание переслать?

— Я видел, как ты ответил. Если бы речь шла просто о расписании, ты бы так и написал: «У нас репетиция». Ты же знаешь, как Кирилл прочитает «опять будем вместе».

Я вспомнил, что ответил Кириллу после кофе: «После обеда опять будем вместе». Про репетицию не уточнил. Мне понравилось, как это выглядело в чате, и сейчас не хотелось объяснять Дане, что ровно так оно и было задумано.

Еся убрала телефон и подошла к нам.

— Мне пора в книжный. В автобусе ещё раз прочту последний абзац, он мне с утра не нравится, — сказала Еся, убирая телефон. — Если придумаю, как сделать его короче, пришлю тебе.

— А если я всё равно перепутаю слова на открытии?

— Тогда взгляни на лист. Я завтра добавлю туда пометки крупнее, чтобы ты не искал меня глазами на каждом трудном слове.

Я заметил, как Даня посмотрел на меня. Еся произнесла это буднично, как просьбу поставить точку в предложении, и уже перехватила сумку поудобнее. Я сказал, что буду ждать правку. До этого мне казалось, что слова «опять будем вместе» звучат удачно. Теперь при Дане даже это «буду ждать» я услышал чуть иначе.

Она улыбнулась, махнула нам обоим и пошла к остановке. Даня подождал, пока закроется дверь.

— Только не приезжай в десять пятнадцать, как обычно. В десять у нас уже оплачен зал.

Мы вышли вместе. По дороге к машине он рассказал, что впервые за месяц сумел собрать обе команды, и попросил меня не уговаривать Кирилла приехать: тот в последний раз полчаса спорил о счёте и в итоге унёс с собой мяч. Я пообещал привезти свой. О Есе мы больше не говорили.

Есения

В книжном меня ждала женщина, которой я на прошлой неделе отложила сборник рассказов. Она приехала с другого конца города, потому что хотела подарить его сестре, и только у кассы я заметила, что наклеила её имя на другой том. Переплёты были почти одинаковыми; на моём под стикером скрывался номер второго тома, а ей нужен был первый.

Я могла отнести книгу к стеллажу и вернуться со словами, что нужного экземпляра нет. За стеклянной дверью уже темнело, женщина то и дело поглядывала на часы, а Алла Петровна в подсобке принимала поставку. Никто, кроме меня, не знал, когда именно произошла ошибка.

— Я отложила вам второй том, — сказала я. — Простите, я перепутала их, когда мы с вами разговаривали по телефону. Сейчас проверю, можно ли ещё достать первый.

Женщина посмотрела на пакет, который уже приготовила для подарка, и сложила его пополам.

— У сестры завтра день рождения, — сказала она. — Если первый остался у вас в другом магазине, скажите сразу, где. Я лучше сейчас поеду, пока они не закрылись.

Я попросила её дать мне пять минут и положила второй том возле кассы, чтобы она видела: я помню, какой ей не нужен.

Первого тома на полке не оказалось. В накладной он числился среди новых поступлений, но коробки ещё не разобрали. Алла Петровна, услышав, что случилось, сняла очки и спросила, помню ли я, в какой коробке были книги этого издательства. Я не помнила. Мы вскрыли две коробки, в третьей нашли только детские энциклопедии. Я уже прикидывала, как предложить женщине другое издание, когда Алла Петровна вспомнила про стопку книг для витрины. Нужный сборник лежал там, под двумя одинаковыми словарями.

— Сверь с заказом, прежде чем понесёшь, — сказала Алла Петровна. — Вдруг на витрину нам тоже поставили второй.

Я проверила номер и открыла книгу на оглавлении. Когда покупательница вернулась к кассе, я развернула её к ней, чтобы она сама могла убедиться.

— Да, вот этот, — сказала она, сразу ткнув пальцем во второе название. — Я этот рассказ чуть наизусть не выучила. Мы на дачу в пробках по три часа ездили, и сестра читала мне вслух, пока я не начинала клевать носом. Завернёте? Только ценник снимите, пожалуйста.

Пока я отмеряла бумагу, она держала книгу ладонью, чтобы обложка не захлопывалась, и дочитывала первую страницу. Когда пришло время убирать книгу в упаковку, она задержала палец на строчке, будто ещё не решила, готова ли отдать её мне.

После её ухода Алла Петровна велела мне впредь записывать на стикерах не только фамилию покупателя, но и номер тома. Потом заглянула в расписание и спросила, смогу ли я выйти в субботу пораньше: привезут ещё коробки, а у неё вечером семейный праздник. Я согласилась. В телефоне всё ещё висело объявление с кафедры: для небольшого письменного перевода искали студента. Сколько заплатят и заплатят ли вообще, там не сказали. Я сохранила объявление, чтобы в понедельник спросить об условиях, и внесла субботнюю смену в календарь.

На остановке я достала папку. Пока ждала автобус, перечитала английский текст и заметила, что в предпоследнем абзаце мы оставили выражение, которое я бы поняла на бумаге, но не сразу расслышала со сцены. Отправила Марку два варианта, добавив, что второй произнести легче.

«Возьму второй. Спасибо, что проверила ещё раз», — ответил он.

Я уже убрала телефон, но тут же достала его снова.

«А название книги ты запомнил?»

В ответ пришёл снимок заметки: название, фамилия автора и адрес книжного, всё без ошибок. Под ними Марк приписал: «Пятьдесят страниц. Жалобы раньше срока не принимаются».

Я рассмеялась так неожиданно, что женщина рядом оторвалась от своего телефона. Автобус как раз показался за поворотом. Я успела отправить: «Всё верно. Оправданий больше нет», — и встала в очередь к дверям.

Маме я позвонила уже из комнаты, пока грелся чайник. Она выслушала мой рассказ про встречу, спросила, долго ли мы репетировали и не забыла ли я поесть, а потом захотела знать, стало ли теплее у окна, где стояла моя кровать. Обычно на этом месте она передавала трубку папе. Сегодня папа так и не подошёл, хотя я дважды услышала, как на кухне скрипнула дверца его любимого шкафа.

— Мам, у вас всё хорошо? Ты даже трубку папе не дала. Он же там, я слышу, как шкаф хлопает.

— Он ужин разогревает, руки заняты. Ты мне лучше скажи, когда у вас гости приезжают. Тебе дадут заранее посмотреть, что они будут говорить?

— Я рассказывала. Нам могут задавать вопросы, их заранее не узнаешь. — Я выключила чайник: он уже начинал шуметь, и мне хотелось ещё раз услышать мамин голос без этого шума. — Ты сегодня просто устала или что-то случилось?

— Просто день длинный, Есь. Ты сама-то во сколько пришла? Я всё думаю, зачем ты взяла ещё одну смену, когда у тебя и так весь день расписан.

Я начала рассказывать про покупательницу и два почти одинаковых тома. Мама даже засмеялась, когда я дошла до словарей на витрине, и на минуту разговор снова стал таким, как обычно. Потом она вспомнила, что папа оставил на плите сковородку, и попросила меня позвонить завтра.

Мы попрощались. Я ещё немного посидела с телефоном в руке, потом достала тетрадь и стала считать, сколько смен у меня набралось к концу месяца.

Марк

Перед сном отец прислал фамилию человека, которого мне предстояло встретить завтра, и напомнил взять пиджак. Я ответил, что буду вовремя. Сообщение Еси осталось чуть ниже; открыв его, я снова увидел собственную заметку с адресом книжного. После её «Оправданий больше нет» я мог бы написать что-нибудь ещё, но тогда пришлось бы выдумывать вопрос на ходу.

Кирилл написал раньше меня.

«Ну что, вторая попытка с кофе была?»

Я набрал: «Нет». Подумал и добавил: «Завтра зайду к ней».

Еся назвала мне адрес, чтобы я мог купить книгу. Кириллу я этого уточнять не стал.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.